

маха на Долобском съезде, записанное под 1103 г., и его благодарственная молитва после победы над врагами), Л. П. Якубинский писал: «... для нас важно, что летописец пользуется для передачи делового выступления Мономаха древнерусским языком, а для передачи его торжественной (разрядка наша, — О. Т.) речи — языком старославянским. Так уже в древнерусскую эпоху намечается закрепление церковнославянского языка за так называемым „высоким штилем“».⁶ На основании других наблюдений над языком различных редакций ПВЛ ученый приходит к заключению, что перед нами отражение «перелома в развитии литературного языка к началу XII в.». Если в записи 968 г. «летописец, имея возможность выбрать между церковнославянской и русской формой, выбирает всегда церковнославянскую», то в записи 997 г. (сказание о белгородском киселе) «он выбирает уже всегда древнерусскую» (разрядка наша, — О. Т.).⁷ Однако эти категорические выводы не подтверждаются фактами: почти любой фрагмент ПВЛ представляет собой сложную мозаику из специфических русизмов и старославянизмов на фоне нейтральной, общей обоим языкам лексики. Несколько примеров из Лаврентьевского списка ПВЛ:

«И въшедь Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; ... И рече единъ деревлянинъ: „Азь видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“» (стр. 53);⁸ «Единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвався на мя, преторже черевѣ рукама» (стр. 84); «Трудився вдахъ другому брату, копахомъ до полуночья, трудихомся, и не могуче ся докопати, начах тужити, еда како на страну копаемъ. Азь же вземъ рогалью начах копати рамено, и другу моему опочивающю передъ пещерою, и рече ми: „Ударивше в било“» (стр. 138).

В каждом из этих фрагментов мы находим как старославянизмы (градъ, власть, азь, единою, сварящю и т. д.), так и русизмы (перея, деревлянинъ, черевѣ, полуночья, передъ). Особенно примечательно наличие русизмов в рассказе Нестора о перенесении мощей Феодосия, в котором (если следовать Л. П. Якубинскому) можно было бы ожидать выдержанной старославянизации. Число подобных примеров нетрудно увеличить.

В 40-е годы внимание исследователей привлекает судьба отдельных старославянизмов, традиционно употреблявшихся в определенных словосочетаниях или грамматических конструкциях независимо от содержания контекста.

С. П. Обнорский справедливо указал, что следует учитывать наличие старославянской и русской лексики «в известных готовых сочетаниях или в известном смысловом представлении, навеянных реминисценциями из церковных источников».⁹

Ф. П. Филин в своей работе, построенной преимущественно на материале ПВЛ, приходит к аналогичным выводам. Так, анализируя употребление неполногласной формы *възвратитися*, которая поддерживалась «наличием в письменном языке вошедших в оборот церковнославянских фразеологических штампов, составной частью которых было данное слово», автор отмечает, что «церковно-религиозная система мышления древних летописцев в значительной мере определяла выбор тех или иных языковых

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 304.

⁸ Все цитаты даем по изданию: Повесть временных лет, ч. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 72—73.